

МАРШРУТ СЧАСТЬЯ

Федор Райков
Маршрут счастья

«Автор»

2026

Райков Ф. В.

Маршрут счастья / Ф. В. Райков — «Автор», 2026

В свои двадцать три года Лера уверенно управляет двадцатитонным бордовым трамваем, находя покой в строгом расписании маршрутов и мерном стуке колес. Пассажиры видят лишь её профессиональную невозмутимость, но никто не знает, какую цену она заплатила за право просто дышать. Годы удушающего материнского контроля, лишение права выбора и жесткие рамки чужих амбиций когда-то едва не похоронили её истинное «я». Случайная поездка в родной поселок прорывает плотину памяти, заставляя Леру заново пережить болезненное прошлое: нелюбимый филологический факультет, пугающий хаос студенческого общежития и робкие шаги к обретению свободы. Это пронзительная и атмосферная история о преодолении детских травм, поиске себя и исцелении. О том, как медный голос городского трамвая заставляет очнуться от затянувшегося сна, а удушающий накрахмаленный воротник чужих ожиданий наконец уступает место первому глотку настоящей, независимой жизни.

© Райков Ф. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Глава 1. Под зонтами города.	5
Глава 2. Девятка.	8
Глава 3. На одной волнес городом.	11
Глава 4. Туда где не ходят трамваи.	16
Глава 5. Вкус домашнего тепла.	20
Часть II. Глава 6. Маршрут построен.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Федор Райков

Маршрут счастья

Часть 1. Глава 1. Под зонтами города.

Будильник прозвенел в четыре утра, нарушив тишину панельного здания. Лера со стоном высунула руку из-под теплого флисового одеяла и тут же спрятала её обратно. В маленькой комнате общежития площадью всего девять квадратных метров было сыро и прохладно, а от окна, заклеенного по швам, заметно тянуло сквозняком. Неделию назад на облупившейся двери главного подъезда появилось косое объявление о плановом отключении горячей воды на две недели, так что надежды на согревающий утренний душ не было. На тумбочке у кровати лежали наручные часы, телефон и раскрытая книга.

Умывание в ледяной воде над раковиной в конце общего коридора окончательно прогнало остатки сна: Лера набрала полную горсть из-под крана и зажмурилась от резкого холода, который мгновенно обжег лицо. Вернувшись к себе, она щелкнула кнопкой электрического чайника, который стоял на деревянном комоде рядом с аккуратной стопкой книг. Пока закипала вода, Лера достала свою любимую тяжелую керамическую чашку — ярко-желтую, с забавным рисунком улыбающегося трамвайчика, которую ей подарили коллеги на прошлый день рождения. Она приготовила простой, но сытный завтрак: чашку крепкого растворимого кофе, от которого по комнате разлился приятный аромат, и пару бутербродов с сыром. Сидя на диване, она быстро съела завтрак, глядя на пожелтевшие обои и узкий платяной шкаф. Затем привычным движением собрала волосы в тугий хвост, чтобы они не мешали при вождении, и слегка подкрасила ресницы перед маленьким зеркалом на стене. Натянув форменную синюю рубашку, плотные джинсы, теплый свитер и куртку, она проверила в сумке ключи и водительское удостоверение, накинула куртку и шагнула в прохладный коридор.

Дорога от общежития до депо занимала около сорока минут пешком через старый промышленный район. В этот ранний час город еще спал: редкие уличные фонари тускло отражались в глубоких лужах, а редкие сонные прохожие спешили укрыться под зонтами. Погода стояла серая и угрюмая. Небо затянуло плотными свинцовыми тучами, из которых уныло моросил мелкий, едкий дождь, пробиравший до костей. Лера шла быстрым шагом, пряча нос в воротник куртки и слушая, как хлюпает мокрый асфальт под подошвами ее ботинок. В депо Леру встретил привычный запах металла, смазки и влажного бетона. Пройдя медосмотр и дунув в алкотестер, она получила путевой лист и зашла в кабину своего трамвая.

Лере исполнилось двадцать три, и уже два года она водила новенький трамвай по городским маршрутам, но чаще всего по маршруту номер четырнадцать. Это был современный низкопольный вагон усть-катавского завода, выкрашенный в яркий бордовый цвет. Лера ласково звала его «Борькой» за солидный вид и надежный нрав. Ей нравилась электронная приборная панель с кучей светодиодов, сенсорный экран бортового компьютера и удобное анатомическое кресло с подогревом, которое спасало в холодные дни.

Над лобовым стеклом, рядом с солнцезащитным козырьком, на магните прочно крепилась маленькая коллекционная моделька старого жёлтого трамвая — точь-в-точь такого же, какой красовался на её любимой керамической чашке в общежитии. Она любила плавный ход машины, тихий стук колес на стыках рельс, пустынный утренний город и ни с чем не сравнимое ощущение огромной двадцатитонной махины, послушной каждому движению её руки на ходовом джойстике.

Перед тем как вывести «Борьку» из ворот депо, Лера провела обязательный предрейсовый осмотр. Включив бортовую сеть, она дождалась, пока оживет электронная панель и ком-

пьютер завершит самодиагностику, подтверждая исправность всех систем. Затем она накинула сигнальный жилет и вышла на улицу под морозящий дождь, чтобы лично проверить тормозные башмаки, целостность колесных пар и крепления зеркал заднего вида. Вернувшись в кабину, Лера несколько раз подняла и опустила полупантограф, проверяя его прилегание к контактной сети, протестировала работу песочниц, которые помогают не буксовать на скользких от дождя рельсах, и запустила стеклоочистители. В этот момент в окно кабины постучал Михалыч, дежурный мастер смены. Откинув капюшон брезентового плаща, он крикнул сквозь шум дождя: «Лерочка, на путях у парка стрелку подтопило, аккуратнее там на первом круге!» Она кивнула, улыбнулась и показала большой палец. Убедившись, что в салоне включено отопление для будущих пассажиров, а информационное табло правильно отображает четырнадцатый маршрут, Лера перевела ходовой джойстик вперед, и трамвай плавно тронулся с места, готовый к выезду в город. Притормозив у ворот депо, в салон, тяжело дыша и звякая сумкой с билетами, поднялась кондуктор Валентина Петровна — Лерина бессменная напарница по экипажу. Они часто работали вместе на самых разных городских линиях, и Лера всегда была рада такой компании в рейсе. Валентина Петровна заглянула в кабину, поправила форменный жилет и ободряюще подмигнула: «Ну что, Лер, погнажи? План сегодня приличный, давай без опозданий!» Лера улыбнулась в ответ, закрыла двери, и «Борька» поплыл по рельсам.

Весь день прошел как в тумане. Дождевые капли бесконечно чертили линии на лобовом стекле, а дворники монотонно скребли в такт движению, заставляя глаза быстро уставать. На дорогах из-за ливня образовались заторы: наглые автомобилисты то и дело подрезали огромный трамвай, заставляя Леру резко дергать рукоять экстренного тормоза. На залитом водой перекрестке у городского парка ей пришлось затормозить, выйти в жилете под проливной дождь и вручную, тяжелым железным ломиком-переводкой, переключать залитую стрелку.

В салон набивались хмурые люди в насквозь мокрых плащах, из-за чего стекла мгновенно запотевали. Сквозь пелену пара Лера видела в салонное зеркало, как Валентина Петровна ловко лавирует в толпе, утихомиривает недовольных пассажиров и успевает обилетить каждого, несмотря на давку. Слыша за спиной привычное, успокаивающее звяканье монет в её сумке, Лера чувствовала себя увереннее. Ей приходилось то и дело щелкать тумблером обдува стекла и объявлять остановки в микрофон, сохраняя спокойный, вежливый голос.

Мысль о возвращении в холодную комнату общежития, где нельзя даже нормально помыться, навевала тоску. Для городской девчонки это стало бы катастрофой, но Лера, выросшая в посёлке, привыкла искать спасение в других местах. С детства суббота у них дома была священным банным днём, когда отец с утра топил бревенчатый сруб на краю двора, а воздух наполнялся густым духом распаренных веников. Поэтому после смены Лера без колебаний пошла в старую городскую общественную баню. В эти недели без горячей воды баня стала её главным спасением, куда она ходила трижды в неделю. Там, среди белого пара, она словно возвращалась в родной поселок, смывая вместе с грязью всю городскую суету.

Едва переступив порог помывочного отделения, Лера почувствовала, как её окутал густой, обволакивающий пар с сильным, смолистым ароматом свежих березовых веников, запаренной полыни и хвои. Вся дневная усталость, пронзительная дорожная сырость и угнетающая серость бесконечно пасмурного дня начали стремительно отступать под натиском этого плотного тепла. В мыльном отделении мерно журчала вода, шлепали тяжелые капли, громыхали оцинкованные тазы, а из приоткрытой двери парной вырывались белые клубы горячего воздуха.

Лера опустилась на массивную, гладко выструганную липовую скамью, которая пахла нагретой древесиной. Она набрала полный оцинкованный таз обжигающей горячей воды, с наслаждением погрузив в него озябшие за день ноги, затем зачерпнула деревянным ковшом ароматный настой и шагнула на верхнюю полку жаркой парной. Наслаждаясь глубоким, густым жаром, который мгновенно проникал под кожу, прогревал каждую косточку и расслаблял

затекшие от напряжения плечи, Лера закрыла глаза. Каждый вдох приносил острое ощущение мятной свежести, которая мгновенно прочищала легкие, вытесняя ввевшийся за смену запах машинной смазки и мокрого асфальта. Тяжесть рабочего дня полностью растаяла, сменившись блаженным спокойствием и легким покалыванием во всем теле. После парной она вернулась в предбанник, завернулась в махровую простыню и не спеша, маленькими глотками выпила из термоса горячий травяной чай с чабрецом и медом.

Когда Лера возвращалась к себе в общежитие, затяжной дождь так и не прекратился, а лишь притих, превратившись в едва заметную морось. Город замер, оставив на асфальте антрацитовые зеркала луж, в которых дрожали и расплывались оранжевые блики редких вечерних фонарей. Вечерний воздух казался удивительно чистым, легким и пронзительно свежим. Сырая прохлада больше не пробирала до костей — согретое баней тело до сих пор излучало плотное, глубокое внутреннее тепло, словно надежный невидимый щит. Поднявшись по пахнущей лестнице на свой этаж, она провернула ключ в замке и закрыла дверь комнаты на хлипкую защелку, мгновенно отрезая весь остальной мир с его вечными бытовыми проблемами. Лера накинула любимый плюшевый халат нежно-зеленого цвета, бережно сполоснула под красным желтую чашку с трамвайчиком и наконец-то вытянулась на своем диване. Под мерный, убаюкивающий стук тяжелых капель по жестяному подоконнику она укрылась флисовым одеялом до самого подбородка. В этой согревающей тишине она ощутила удивительную легкость, абсолютное, звенящее счастье и твердую готовность завтра в четыре утра снова положить руки на ходовой джойстик своего «Борьки».

Глава 2. Девятка.

Официально её жилплощадь именовалась «комнатой в общежитии», но Лера звала ее просто — «девятка». «Девятка» досталась Лере не сразу. При поступлении на курсы водителя трамвая выяснилось, что ведомственного жилья у предприятия нет. Во время учебы Лере пришлось снимать двухкомнатную квартиру вместе с четырьмя другими девчонками из ее учебной группы. Жить в таком ритме было тяжело: в комнатах постоянно стоял шум, на кухне вечно кто-то готовил, а Лере, привыкшей к уединению, отчаянно не хватало тишины. Чтобы спокойно зубрить сложные схемы электрооборудования, ей приходилось читать техническую литературу при свете настольной лампы глубокой ночью, когда все наконец засыпало.

Как только Лере выплатили первую зарплату, она сразу же начала искать варианты съезда. Денег на полноценную квартиру не хватало, и единственным доступным вариантом оказалась комната площадью всего девять квадратов в городском общежитии.

Предыдущий жилец съехал в спешке, оставив после себя лишь голые стены и запах сигарет. Лера до сих пор помнила тот день, как комендант, протягивая ей ключ с биркой «триста четырнадцать», строго, но понимающе произнесла: — Держи. Комната угловая, тихая, как ты и просила. Только учти, Лерка, наводить порядок и белить потолок придётся самой. У меня свободных рук сейчас нет. Выдаю в каком есть виде, так что заезжай и живи.

Лерка не испугалась. Первые выходные она полностью посвятила тому, чтобы превратить этот запущенный угол в обитаемое место. Стены были покрыты бесконечными, намертво въевшимися слоями старых советских обоев, которые копились здесь десятилетиями. Лера часами щедро смачивала их тёплой водой из обрезанной пластиковой бутылки и слой за слоем, с натугой соскребала шпателем. Вместе с серой бумагой отваливались куски старых газет за прошлые годы и куски крошащейся штукатурки. Когда стены наконец обнажили чистую основу, она наклеила новые, самые простые обои в мелкий цветочек, бережно разглаживая стыки сухой тряпкой. Только после этого она принялась за потолок. Разведя извёстку в старом пластиковом ведре, Лера аккуратно, полоса за полосой, нанесла её валиком, высоко задрав голову, отчего к вечеру шея нещадно затекла. Старые деревянные рамы не открывались годами; Лере пришлось приложить немало усилий, чтобы распахнуть их, вычистить вековую серую пыль из пазов и заново покрасить всё белой эмалью.

Переезд занял всего один вечер, ведь все её вещи уместились в две дорожные сумки. Мебель — старый раскладной диван, узкий платяной шкаф и деревянный комод с облупившимися углами — Лера приобрела по объявлению у пожилой семейной пары из соседнего дома. Они же помогли дотащить эти тяжёлые вещи до её комнаты. Из личных вещей, которые Лера бережно расставила на комод, у неё было совсем немного — учебники по техническому устройству трамваев и несколько художественных книг. На следующее утро после переезда Лера проснулась от непривычной тишины. Солнечный луч пробивался сквозь чисто вымытые, пахнущие свежей эмалью оконные рамы и ложился на новые обои. Комната была убрана, но оставалась пустой и гулкой. На полу сиротливо лежали две дорожные сумки, содержимое которых нашло свое пристанище в шкафу и комод.

У Леры не было даже чашки, чтобы выпить утреннего кофе. Пересчитав остаток наличности, она накинула куртку и отправилась в ближайший хозяйственный магазин. Этот поход стал её первым шагом к обустройству по-настоящему своего дома. Денег было в обрез, поэтому каждую покупку Лера выбирала обдуманно, взвешивая её полезность: электрический чайник — самый простой, в недорогом пластиковом корпусе, который при закипании отчаянно вибрировал; одноконфорочная плитка — тяжёлая, с открытой черной спиралью, обещавшая быстро греть воду и готовить нехитрую еду; пластиковый таз — тёмно-зелёный, предназначенный для

мытья посуды и стирки; мини-холодильник — б/у, со следами чужих наклеек на дверце, который Лера приобрела у соседа по общежитию.

Плотные шторы — глубокого тёмно-синего цвета, которые Лера выбирала особенно придирчиво. Окно комнаты выходило на восточную сторону, прямо на шумную улицу с яркими фонарями ночного освещения, и ей была жизненно необходима плотная ткань, способная полностью отрезать её маленькое убежище от внешнего мира и дать выспаться перед ранними учебными сменами.

Самой последней покупкой стал небольшой плетёный коврик. Он был совсем простым, мягким и стоил сущие копейки, но именно его Лере хотелось принести в комнату больше всего. Вернувшись, она первым делом расстелила этот коврик на полу перед диваном, прикрывая серый, протёртый линолеум.

Лера разулась, наступила на него босыми ногами и почувствовала, как по телу разливается глухое, уютное тепло. Она расставила технику в кухонном углу, с помощью простых крючков закрепила на окне новые тяжёлые шторы, сразу погрузив комнату в приятный полумрак, и улыбнулась. Теперь эти девять метров принадлежали ей.

Пространства в девять квадратных метров едва хватало на самое необходимое. Справа от двери сиротливо жался узкий платяной шкаф, куда с трудом помещалась громоздкая зимняя куртка и пара форменных синих рубаш. Рядом стоял старый раскладной диван с продавленными пружинами. В сложенном виде он оставлял хоть какой-то узкий проход к окну, от которого в холодные дни безбожно дуло, несмотря на три слоя малярного скотча по швам.

Чтобы не мёрзнуть по ночам, Лера стелила поверх простыни тяжёлое флисовое одеяло, а в самые суровые январские морозы спала прямо в шерстяных носках. Чуть дальше стоял деревянный комод с облупившимися углами — Лера сама покрыла его свежим лаком, чтобы скрыть глубокие царапины на столешнице. На нём аккуратной стопкой лежала пара потрёпанных романов и затрепанная книжка «Правила технической эксплуатации трамваев» с десятками ярких стикеров-закладок. На углу комода неизменно дежурил чайник, который при закипании так яростно вибрировал, что его приходилось придерживать рукой.

На потолке висела старая люстра с тремя рожками, из которых работал только один, но Лера её почти никогда не включала. Свет делал комнату неуютной и мертвенно-бледной. Вместо люстры она предпочитала небольшое бра, которое висело на стене прямо над диваном. Его мягкий, тёплый свет скрадывал углы тесного помещения, создавал домашний уют и позволял Лере в редкие выходные читать до глубокой ночи, напрочь забыв о времени.

Каждый сантиметр комнаты был отвоёван у тесноты с помощью бытовой смекалки. В углу у двери Лера обустроила подобие кухни: на кухонную тумбу встала одноконфорочная электрическая плитка со спиралью, рядом — выдавший виды мини-холодильник, который громко и натужно вздрагивал каждую ночь, нарушая тишину. Чтобы он меньше дребезжал, Лере пришлось пойти на хитрость и подложить под его скошенные ножки плотные куски сложенного картона.

Из-за отсутствия раковины посуду приходилось мыть в общем умывальнике в конце коридора. Чтобы не ходить туда по нескольку раз, Лера складывала тарелки в глубокий пластиковый таз, который прятала под тумбу.

Вместо полноценного обеденного стола она приладила к свободной боковине тумбочки небольшой откидной столик на мебельных петлях. На ночь или во время уборки эта конструкция легко складывалась вниз, освобождая драгоценное пространство и без того узкого прохода. Над плиткой висела самодельная полка. Там ровными рядами стояли банки с крупами, пачка макарон и пара банок тушёной говядины — её стратегический запас на крайний случай. Рядом на крючке висело единственное кухонное полотенце, аккуратно выстиранное и пахнущее дешёвым кондиционером.

Комната жила своей особенной, сонной жизнью. Из-за старых деревянных рам, которые Лера осенью безуспешно пыталась затыкать поролоном, здесь всегда пахло уличной сыростью и пылью. Но она отчаянно боролась за уют: на комод в стеклянной баночке стояли сушёные веточки лаванды, купленные у бабушки на одной из остановок её маршрута. Их тонкий аромат смешивался с горьковатым запахом растворимого кофе и приятным, едва уловимым теплом от выстиранной форменной рубахи, аккуратно отглаженной с вечера.

Главным украшением комнаты были стены. Обои в мелкий цветочек Лера аккуратно украсила распечатанными на глянцевой бумаге фотографиями трамваев из разных уголков мира: бордовый ретро-вагон на крутых улицах Лиссабона, ультрасовременный скоростной состав из Мельбурна, старая татра, утопающая в цветущей пражской зелени. В самом центре этой импровизированной галереи висел точно такой же глянцевый снимок, но на нём был запечатлён угловатый, громыхающий КТМ-5 с бортовым номером двести двенадцать — старый трудяга из её родного депо.

Именно на этой машине с облупившейся краской на боках и скрипучими дверями Лера проходила свою стажировку. Этот вагон пах нагретым металлом, старой обшивкой и настоящей железной дорогой. Для неё он оставался символом начала пути, напоминанием о тех днях, когда от страха перед огромной машиной у неё подкашивались колени. Чуть ниже Лера прикрепила свой собственный рисунок — яркий жёлтый трамвайчик, точь-в-точь как на её любимой тяжёлой керамической чашке со смайликом. Каждое утро Лера первым делом смотрела на эти картинки. Они напоминали ей, ради чего она терпит этот быт и просыпается в четыре утра. Здесь, на девяти метрах, среди чужих обшарпанных стен, она умудрилась создать свой собственный, закрытый от посторонних глаз микромир.

Глава 3. На одной волне с городом.

Будильник не просто прозвенел — он разорвал предутреннюю тишину комнаты резким, металлическим треском. Четыре утра. Лера резко открыла глаза, но вместо привычной свинцовой тяжести ощутила удивительную легкость. Изменчивый май, еще вчера терзавший город пронизывающим ледяным ливнем, за одну ночь передумал и стремительно развернулся к лету. Плотное банное тепло, словно невидимый защитный кокон, все еще согревало тело под флисовым одеялом. В легких, вытесняя привычный запах пыли и уличной сырости, мягко разливался призрачный, мятный шлейф чабреца и раскаленного липового дерева.

Она откинула одеяло и решительно поднялась. Щелкнула кнопка чайника на комод. Старый пластиковый корпус тут же зашелся в яростной, вибрирующей пляске, глухо постукивая по дереву. Лера привычным, отточенным движением стянула волосы в тугий хвост и плеснула кипятком в тяжелую желтую чашку. Темный глянec растворимого кофе мгновенно вскипел ароматной пеной. Оставшуюся в чайнике воду она аккуратно перелила в походный термос, предварительно бросив туда пару ложек того же крепкого кофе — порция для обеденного перерыва на конечной была готова. Сделав глоток из чашки, она посмотрела на стену. В полумраке бра распечатанные фотографии трамваев казались кадрами из чужого, далекого кино: неоновый Мельбурн, утопающая в розовой сакуре Прага и угловатый КТМ-5 под номером двести двенадцать — свидетель её первых страхов и стертых в кровь ладоней.

Дорога через промрайон превратилась в ожившую картину. Накануне город тонул в серой, унылой хмари, но теперь затяжной дождь наконец-то отступил. Небо над головой очистилось, обнажив глубокою предрассветную синеву. Под подошвами ботинок больше не хлюпала жидкая грязь. Асфальт превратился в антрацитовое полотно, умытое ночным дождем. В гигантских зеркалах луж, не колыхаясь, дрожали и плавилась оранжевые росчерки уличных фонарей. Воздух, хлынувший в легкие, обжег чистой, звенящей свежестью.

В депо Лера шла с гордо поднятой головой. Знакомый, резкий аккорд из запахов мазута, мокрого бетона и каленого железа больше не давил на плечи — он бодрил. Быстрый медосмотр, холодный пластик алкотестера, короткий кивок диспетчера и заветный путевой лист в руке.

«Борька» ждал её на путях. В рассеянном утреннем свете его чистые, бордовые бока отливали благородным, почти зеркальным глянцем. Накинув оранжевый сигнальный жилет, Лера скользнула вдоль вагона. Проверила тяжелые стальные башмаки, идеальный профиль бандажей колесных пар, чистоту огромных зеркал. Все было безупречно.

Кабина встретила её бодрящей утренней прохладой. Лера опустилась в анатомическое кресло и повернула ключ — «Борька» мгновенно ожил. Электронная приборная панель вспыхнула каскадом светодиодов, а сенсорный экран бортового компьютера замерцал строчками самодиагностики. Лера щелкнула тумблером: с тихим шипением полупантограф взмыл вверх, замкнув цепь. В лобовом стекле отразилась короткая электрическая искра. Только теперь ожила климатическая система, и встроенный подогрев кресла отозвался мягким, спасительным теплом, приятно согревая спину и даря ощущение уюта. Вагон был готов к бою.

Еще на парковых путях в салон поднялась Валентина Петровна. Поприветствовав друг друга, они коротко обсудили планы на день. Петровна, звякнув тяжелой брезентовой сумкой, заняла свое место в салоне, проверяя катушки с билетами. Наличие знакомого, надежного человека за спиной всегда придавало Лере уверенности перед выходом на линию.

Она плавно толкнула ходовой джойстик вперед. Двадцать тонн бордового металла бесшумно, словно скользя по маслу, выкатились из ворот депо на городские рельсы. И в этот миг за поворотом путей город взорвался светом. Из-за горизонта стремительно полоснуло слепящее майское солнце. Его первые, яростные лучи ударили по стеклам высоток, окрашивая пустынные улицы в сумасшедшие золотисто-розовые тона. Рельсы впереди вспыхнули двумя

бесконечными огненными нитями, уходящими в горизонт. Лера замерла, замороженная этой кинематографичной красотой пустынного города.

На первой остановке четырнадцатого маршрута толпились люди. Они стояли, щурясь от яркого света, хмурые и заспанные. Вагон плавно замедлил ход, двери распахнулись, и Лера, глядя на них через стекло кабины, поймала себя на том, что улыбалась во весь рот. Это был её город, её Борька и её идеальное утро.

К восьми часам утра благодатная тишина пустых улиц окончательно растворилась в гуле проснувшегося города. Золотистый рассветный свет сменился ровным, жестким сиянием майского солнца, обнажившим каждую деталь дорожного хаоса. В воздухе завис плотный запах бензина и разогретого асфальта. Город зажил в своем привычном, дерганом ритме. Салон «Борьки» быстро заполнился до отказа. Через зеркало заднего вида Лера наблюдала за этим пестрым человеческим потоком: хмурые студенты с наушниками в ушах, уставившиеся в экраны телефонов; суетливые женщины с тяжелыми сумками; мужчины в отглаженных костюмах, тоскливо поглядывающие на часы. На одной из остановок в двери шумно протиснулась колоритная бабушка, за которой упрямо катилась гремящая тележка-кравчучка на расшатанных колесиках. Пассажиры недовольно заворчали, теснясь и уступая ей дорогу, а Лера лишь понимающе улыбнулась. Спокойным, размеренным голосом она объявила в микрофон: «Пожалуйста, продвигайтесь в конец салона, не задерживайтесь в дверях».

На перекрестках началась настоящая борьба за выживание. Дорожный трафик уплотнился до предела, превратившись в единую змею из разномастных автомобилей. Наглые, юркие легковушки то и дело норовили подрезать двадцатитонную махину, проскакивая прямо перед носом трамвая на мигающий желтый. Раньше, на стажировке, у Леры от такой наглости холодели пальцы на контроллере, но сейчас она лишь хладнокровно усмехалась. Она вела «Борьку» уверенно и мягко, филигранно рассчитывая тормозной путь в плотном потоке, аккуратно проходила стрелочные переводы и плавно придерживала вагон на поворотах, не давая заспанным пассажирам и бабушке с её тележкой ни единого повода для падения. Город бурлил, злился в пробках и спешил, но внутри её кабины, под мерный стук колес и мягкий обдув стекол, сохранялся её собственный, непоколебимый порядок.

Однако тихий триумф длился недолго. Ближе к одиннадцати часам утра, когда утренние пробки наконец-то закончились и городские улицы ненадолго выдохнули, «Борька» вынужденно замер на одном из оживленных перекрестков у центрального рынка. Прямо на путях, сиротливо мигая аварийкой, стоял новенький блестящий кроссовер. Его водитель, молодой парень в дорогом костюме, растерянно бегал вокруг открытого капота, игнорируя нарастающий гул возмущенных машин вокруг. Путь был намертво заблокирован.

Впереди и позади «Борьки» уже выстраивалась кавалькада трамваев, а из салона послышался недовольный ропот пассажиров. Какой-то мужчина начал громко возмущаться и требовать немедленно открыть двери, чтобы пойти пешком. Раньше Лера бы занервничала, судорожно вызывая диспетчера, но майское солнце и утренний настрой держали её в абсолютном равновесии. Она спокойно поставила вагон на стояночный тормоз, обесточила пульт управления и забрала с собой активационный ключ. Поправив сигнальный жилет, Лера вышла из кабины.

Навстречу ей уже бежал бледный водитель легковушки, готовый к скандалу. Но Лера лишь спокойно оценила расстояние, ослепительно улыбнулась парню и кивнула на бампер его машины: «Молодой человек, давайте помогу толкнуть, тут всего полметра назад принять, а то у меня за спиной сотня злых людей». От такой невозмутимости парень опешил, злость с него моментально спала, и уже через минуту они вдвоем под одобрительные крики прохожих откатали кроссовер с путей.

Вернувшись в кабину, Лера с облегчением перевела дух. Она привычно вставила ключ в пульт, дождалась, пока системы оживут, сняла вагон со стояночного тормоза, мягко толк-

нула контроллер вперед, и «Борька» плавно покотился дальше по рельсам. В салонное зеркало было видно, как уставшие, хмурые пассажиры понемногу отмякли, а недавний ворчун у дверей теперь смущенно прятал глаза, уткнувшись в телефон. К часу дня «Борька» наконец-то заехал на кольцо конечной станции. Лера плавно завела вагон на отстойные пути, перевела контроллер в нейтральное положение и зафиксировала трамвай. Шумный, раскаленный город остался где-то за стрелками кольца, окруженного старыми густыми тополями. Пассажиры покинули салон, и в вагоне воцарилась блаженная, звенящая тишина. Лера заперла кабину, вышла на улицу и с наслаждением потянулась — после нескольких кругов по маршруту спина приятно гудела. В тени деревьев пахло молодой листвой и нагретым металлом.

У средней двери вагона её уже ждала Петровна — бессменный, опытный кондуктор их депо. Закинув на плечо тяжелую брезентовую сумку, она устало поправляла съехавший форменный жилет. Они вместе зашагали по протоптанной среди травы дорожке к кирпичному зданию конечной диспетчерской. — Ну что, Лерка, жива? — Петровна вздохнула, на ходу звякнув мелочью в сумке. — Народу сегодня в утренний пик было — свету белого не видать. Думала, разорвут меня. Пока всех обилетила, три пота сошло.

Лера улыбнулась, подстраиваясь под неторопливый шаг напарницы. — Жива, Петровна. С утра вообще хорошо шли, пока на рынке один бедолага прямо на рельсах не сломался. Думала, встанем намертво, хвост до самого депо соберем. Пришлось бы простой оформлять, нервы мотать... — Ой, видела я из салона! — всплеснула руками кондуктор, когда они уже подходили к крыльцу. — Машины новые, дорожные, а ломаются прямо посреди перекрестка. Паренек этот и сам перепугался, растерялся на путях, с кем не бывает. Но ты молодец, не растерялась. Улыбнулась, словечко доброе нашла, и вместе мигом машину откатали, пассажиры даже пикнуть не успели. Я за утренние круги выручку хорошую собрала, план точно закроем. Главное, чтобы вторая половина смены так же спокойно прошла, без нервотрепки. — Лерка, ну ты сильна! Мастер-класс по эвакуации! — раздался сзади звонкий смех. Их догнал Серега со второго маршрута, чей оранжевый КТМ припарковался на кольце сразу за «Борькой». Он весело закинул руку на плечо шедшего рядом Палыча — пожилого, хмурого водителя седьмого маршрута, который замыкал их вынужденную трамвайную колонну. — Мы с Палычем за тобой на перекрестке стояли, уже рации приготовили диспетчеру сдаваться, — продолжил Серега, широко улыбаясь. — Думал, ну всё, приплыли, сейчас до вечера тут куковать будем. А ты вышла, глазками похлопала, и машина сама с рельсов испарилась. — Угу, «испарилась», как же, — добродушно проворчал Палыч, поглаживая усы. — Сами руками этот гроб на колесиках и толкали. Но Лерка всё равно молодец, сработала чётко. Увидела, что парень заглох, вышла и помогла. Пять баллов за характер. Если бы не ты, куковать бы нам на том перекрестке до второго пришествия. — Да ладно вам, — смущенно улыбнулась Лера.

Они как раз поравнялись с крыльцом. Серёга ловко обошел женщин, рванул вперед и широко распахнул перед ними тяжелую дверь диспетчерской, шутливо поклонившись. Палыч, проходя мимо, солидно придержал её плечом, пропуская Леру и Петровну внутрь. — Заходите, спасители расписания, — подмигнул Серёга.

Внутри этого островка спасения для водителей Лера первым делом зашла в прохладную туалетную комнату. Напор ледяной воды из-под крана мгновенно смыл усталость с лица и рук, возвращая утреннюю бодрость. Поправив перед зеркалом выбившиеся из хвоста пряди, она прошла дальше в уютную комнату, где было отведено специальное место, чтобы спокойно покушать.

Здесь пахло домашней едой и заваренным чаем. Коллеги шумно рассаживались за большим столом, продолжая обсуждать дорожные новости, а Лера устроилась на своем любимом стуле у подоконника. Она достала из сумки контейнер с легким обедом и свой походный термос. Стоило открутить тяжелую крышку, как по комнате разлился густой, горьковатый аромат крепкого горячего кофе. Сделав первый долгий, блаженный глоток, Лера посмотрела в окно,

где в золотистых лучах полуденного солнца мирно отдыхал её бордовый «Борька». До конца смены оставалось еще несколько кругов, но этот тихий перерыв, шутки коллег и простое, рабочее одобрение Петровны казались ей маленьким, заслуженным счастьем.

После обеда время полетело быстрее, подчиняясь строгому ритму расписания. Лера сделала еще два круга по маршруту. Полуденный майский зной постепенно сменялся приятным, мягким теплом предвечернего солнца. Городские улицы заливал ровный золотистый свет, а длинные тени от домов только начинали лениво растягиваться по асфальту. До вечернего часа пик было не так далеко, и трафик начал уплотняться. Когда «Борька» в очередной раз заехал на кольцо конечной станции, стрелка часов едва перешагнула за четыре дня. Первый наряд был окончен. На посадочной платформе Леру уже ждала её сменщица — молодая девчонка из второй бригады, переминающаяся с ноги на ногу в таком же оранжевом жилете.

Лера плавно зафиксировала вагон, перевела контроллер в нейтраль и затянула стояночный тормоз. Активационный ключ пульта она вынимать не стала, лишь переключила тумблеры, оставляя системы в режиме ожидания для напарницы. Климат-контроль продолжал тихо гудеть, сохраняя в кабине привычный уют.

Лера поднялась с водительского кресла. Тело тут же налила приятная, свинцовая физическая усталость — честная плата за километры путей и сотни перевезенных за день людей. Взяв сумку, она вышла в салон. Шаги гулко отдавались в пустом вагоне. Лера привычно пошла вдоль рядов, проверяя сиденья на предмет забытых вещей. Все было чисто: ни перчаток, ни оброненных кошельков.

У задней площадки она столкнулась с Петровной. Та как раз сдавала смену своей сменщице, шумно обсуждая оставшуюся в кассе мелочь. — Ну всё, Лерка, откатались, — устало, но тепло улыбнулась Петровна, застегивая гражданскую куртку. — Хороший день вышел. Главное, что завтра у нас наконец-то выходные. Целых два дня отдыхать будем! — О да, Петровна! — с предвкушающей улыбкой отозвалась Лера, закидывая сумку на плечо. — Даже не верится, что два утра подряд будильник заводить не надо. Буду отсыпаться за всю неделю. Вы тоже отдыхайте, заслужили. — И не говори, выплусь наперед, — добродушно прищурилась кондуктор, поправляя ворот. — Набирайся сил, Лерка. До встречи на линии! — До встречи, Петровна! Отличных вам выходных.

Выйдя из вагона, Лера коротко кивнула напарнице: «Принимай аппарат, всё в идеале, тормоза и песочницы проверены». Девчонка понимающе козырнула и полезла в теплую кабину. «Борька» закрыл двери и мягко покотился на следующий круг, увозя первых предвечерних пассажиров.

Лера дошла до диспетчерской кольца, протянула путевой лист в окошко. Диспетчер бегло проверила штампы времени, сделала ровную отметку «Смена сдана» и расписалась. Рабочий день официально завершился. Лера стянула ставший уже родным оранжевый сигнальный жилет, аккуратно убрала его в сумку и пошла к автобусной остановке. Теплый майский воздух приятно оведал лицо, выветривая остатки дневного напряжения.

На соседних путях кольца как раз грузился пассажирами оранжевый КТМ Серёги — его второй маршрут шел напрямик через Лерин район. Лера зашла через переднюю дверь, привычно кивнула незнакомому кондуктору и устроилась на одиночном сиденье в самом начале салона, сразу за перегородкой кабины. Через пару минут Серёга заметил её в зеркале, обернулся и весело подмигнул сквозь стекло. Вагон мягко вздрогнул и поехал.

Ехать обычным пассажиром после тяжелой смены было удивительным, непривычным удовольствием. Лера откинулась на спинку кресла и устала в окно. Теперь ей не нужно было хладнокровно следить за наглыми легковушками на перекрестках, рассчитывать тормозной путь перед стрелками и высматривать пешеходов. За неё это делал Серёга — и делал мастерски, уверенно ведя трамвай, сквозь начинающий густеть дорожный поток. Лера просто

смотрела, как мимо проплывают залитые золотистым солнцем улицы, и ловила спиной ровную, убаюкивающую вибрацию вагона.

Дорога пролетела незаметно. На своей остановке Лера поднялась, постучала Серёге в стекло кабины и помахала рукой. Тот широко улыбнулся и коротко звякнул трамвайным звонком на прощание.

Когда ключ привычно повернулся в замке родной комнаты, на часах было около пяти вечера. Девятка встретила её сонной, уютной тишиной. Лера скинула тяжелые ботинки, прошла на кухню и первым делом открыла окно, впуская в комнату свежий весенний сквозняк. На деревянном комодe снова привычно зашумел старый чайник. Лера устало опустилась на диван, кутаясь в свой домашний халат, и прикрыла глаза. В мыслях медленно таяли огни утренних улиц и мерный стук колес. Это был долгий, тяжелый, но абсолютно обычный её день.

Глава 4. Туда где не ходят трамваи.

Утро началось без резкого металлического треска. Лера проснулась сама, когда солнце уже вовсю пыталось пробиться в комнату. Сквозь узкий зазор неплотно задёрнутых тяжёлых синих штор на противоположную стену падал один-единственный, но пронзительно яркий золотой луч, нагло подсвечивая мелкий цветочек на обоях. На часах было начало десятого. Наслаждаясь тем, что никуда не нужно спешить, она долго лежала под флисовым одеялом, прислушиваясь к звукам за окном: там шуршали шины редких машин и весело щебетали городские птицы.

Пока плитка раскаляла черную спираль, она достала заветную баночку. Там для особого случая хранились ароматные молотые кофейные зерна. Лера насыпала в турку пару ложек кофе, добавила щепотку сахара и залила ледяной водой. На комод, нарушая тишину, привычно задрожал и зашумел старый пластиковый чайник. Лера ласково прижала его ладонью к деревянной облупившейся столешнице, делясь с ним утренним теплом. Без горячей воды в общежитии этот шумящий пластиковый бочонок становился главным утренним спонсором уюта — приходилось греть воду впрок, чтобы позже с удовольствием, без спешки умыться и привести себя в порядок. Убаюканная этой мягкой вибрацией под пальцами, она перевела взгляд на плиту, чутко вылавливая тот самый момент, когда тёмная кофейная пена начнёт лениво подниматься к краям турки.

После того, как с приготовлением напитка было покончено, Лера решила приготовить простой завтрак вместо привычных сухих бутербродов. Из холодильника, который привычно вздрогнул при открытии дверцы, она достала пару яиц и немного молока. Откинув небольшой столик на мебельных петлях, она быстро взбила яйца вилкой в глубокой тарелке, добавив к ним молоко и щепотку соли. На маленькую сковородку, смазанную маслом, вылилась пышная смесь, которая тут же аппетитно зашкворчала. Сверху Лера аккуратно выложила пару тонких ломтиков сыра, прикрыла крышкой и убавила жар. Через пару минут нежный, воздушный омлет с тягучим расплавленным сыром был готов.

По комнате тут же разлился густой, по-настоящему домашний аромат. Сделав глоток из жёлтой чашки с улыбающимся трамвайчиком, Лера посмотрела на стену с фотографиями. Прага, Мельбурн, Лиссабон... и родной КТМ-5. Сегодня они не звали её в бой, а просто создавали уют.

Позавтракав, она помыла посуду и быстро прибралась. В маленькой комнате много времени на это не уходило — пара взмахов тряпкой, поправить покрывало на диване, и вокруг снова идеальный порядок.

Собрав небольшой рюкзак, Лера заперла комнату и вышла на улицу. До вокзала было несколько остановок. Садиться в трамвай в свой законный выходной подсознательно не хотелось — тянуло оценивать состояние путей и работу коллеги за контроллером. Поэтому на остановке она дождалась новенький, пахнувший свежим пластиком троллейбус. Внутри приятно шуршал кондиционер, спасая от полуденной духоты, а вместо привычного тяжелого звука контактов старых машин был слышен лишь мягкий, футуристический гул электродвигателя. Сидя у окна, Лера с непривычным для себя пассажирским спокойствием разглядывала майский город: ловила взглядом знакомые перекрестки, провожала глазами встречные машины и профессиональным взглядом отмечала, как лихо водитель троллейбуса маневрирует штангами на спецчастях контактной сети.

Троллейбус высадил её на привокзальной площади, где сразу забурлила шумная, пестрая жизнь. Это место дышало суетой: повсюду сновали желтые машины такси, у павильонов с фастфудом толпились люди, а воздух был пропитан плотной смесью выхлопных газов, горячей выпечки и приторного, дурманящего аромата цветущей сирени из соседнего сквера. Лера

направилась к тяжелым дверям вокзала. Шагнув внутрь огромного здания, она сразу оказалась укутана ни на секунду не утихающим внутренним гулом — этот монотонный, эхоподобный шум сотен голосов, шагов и шуршания колесиков чемоданов метался под высокими сводчатыми потолками. Каждые несколько минут этот рокот прорезал металлический, слегка простуженный голос, объявляющий о прибытии поездов. В кассовом зале пригородного сообщения Лере пришлось встать в плотную очередь. Хвост из дачников с огромными рюкзаками, рассадой в коробках и звякающими ведрами тянулся почти от самых дверей. Очередь двигалась медленно, дышала нетерпением и тяжёлым, застоявшимся зноем. От монотонного гула голосов и духоты у Леры слегка зашумело в голове. Впереди кто-то громко спорил о расписании, сзади шуршали пакетами, а у самого окошка кассирша монотонно и ритмично отстукивала по клавишам, выдавая узкие чеки-билеты. Лера терпеливо переминалась с ноги на ногу. Для нее, привыкшей видеть пассажиров лишь мельком в зеркало заднего вида, это погружение в людской поток было волнующим, но по-своему умиротворяющим опытом. Наконец, заветный билет до станции Ветрово её родного поселка оказался в кармане, и она поспешила через подземный переход на выход к путям.

Без форменной синей рубашки и оранжевого жилета, в простых джинсах и удобных кроссовках, она вышла на перрон. Платформа гудела, пахло креозотом и нагретым металлом. Вскоре к перрону, тихо сипя тормозами, подошла старая круглолицая электричка.

Лера отыскала свободное место у окна в середине вагона. Деревянные лавки, потёртый линолеум на полу и дребезжащие форточки — всё это было ей до боли знакомо с самого детства. С тихим шипением захлопнулись тяжёлые автоматические двери, состав вздрогнул и покатился прочь от вокзала.

Город был огромным, раскидистым, поэтому поезд продвигался сквозь него неспешно и долго. Лера прислонилась к прохладному стеклу, внимательно наблюдая за тем, как за окном сменяются урбанистические пейзажи. Её профессиональный взгляд против воли принялся искать сходства и различия с родной трамвайной линией. Здесь всё было масштабнее, тяжелее. Контактная сеть над головой крепилась на массивных опорах, а рельсы — хоть и имели ту же привычную колею в тысячу пятьсот двадцать миллиметров — поражали своей монументальностью. Они были гораздо выше, толще и удерживались тяжёлыми стальными креплениями, убегая вдаль ровными струнами по мощной щебёночной насыпи. При проезде горловины станции за окном замелькали массивные стрелочные переводы. Лера улыбнулась, вспомнив свой короткий ломик: здесь такую махину вручную не переведёшь, тут работали мощные автоматические электроприводы. Даже стук колёс на стыках рельсов звучал иначе — не звонко и дробно, как у её двадцатитонного «Борьки» на разбитых городских поворотах, а солидно, размеренно, глухо. Электричка как раз взлетела на высокий путепровод над широким проспектом. Лера машинально посмотрела вниз, на пролегающую внизу трамвайную линию. Из-за весенних деревьев, поблескивая бордовыми боками, плавно выкатился её родной «Борька». С высоты птичьего полета он казался совсем игрушечным, но уверенно бежал по своему обычному маршруту. В этот момент солнце на секунду вынырнуло из-за легкого облака, поймало панорамное лобовое стекло трамвая и на прощание подмигнуло Лере ярким, золотистым бликом света. Она невольно помахала ему рукой, почувствовав, как по телу разливается теплая волна.

Постепенно многоэтажные районы сменились серыми бетонными заборами промзон, старыми складами и первыми пригородными платформами. Наконец, за окном окончательно исчезли угловатые силуэты городских окраин. На смену им пришли бесконечные изумрудные поля, иссеченные редкими проселочными дорогами, и густые майские перелески, где березы стояли, усыпанные первой, еще клейкой и нежной листвой. Скорость электрички заметно выросла. На прямых перегонах состав шел ходко, мощно, и Лера спиной чувствовала эту огромную инерцию многотонного состава. Ей стало любопытно, каково это — управлять такой

махиной, у которой за спиной не один скромный вагон, а целых десять тяжелых секций, полных людей.

Атмосфера в вагоне постепенно менялась, наливаясь особым пригородным колоритом. С уходом городской суеты люди вокруг расслабились. Окна открыли шире, и в вагон хлынул оглушительный, свистящий поток свежего ветра, пахнущего нагретой землей и молодой травой. Напротив Леры две пожилые женщины в нарядных ситцевых платках тут же завели бесконечный, размеренный разговор. Они бурно обсуждали сорта ранних томатов, сокрушались о ночных заморозках и бережно поправляли картонные коробки, из которых торчали хрупкие стебли рассады. Чуть дальше по проходу двое мужчин в камуфляжных жилетах негромко спорили, на что сейчас лучше идет карась на местном пруду — на червя или на манную болтушку. Лера слушала этот нехитрый житейский гул с легкой улыбкой. Эти разговоры были бесконечно далеки от привычных ей трамвайных неурядиц: никто не ругался из-за зажатой двери, не требовал уступить место и не возмущался задержкой рейса. Тишину перегона внезапно нарушил тяжелый хлопок входной двери в торце вагона. На пороге появился колоритный мужчина в потертом пиджаке, с огромной брезентовой сумкой через плечо. — Уважаемые пассажиры, минуточку вашего драгоценного внимания! — зычно, на весь вагон провозгласил он, и Лера внутренне замерла: вагонные торговцы были неотъемлемой частью этого рельсового мира. — Только сегодня и только для вас — незаменимый помощник на любом приусадебном участке! Чудо-овощерезка со стальными немецкими лезвиями. Режет кубиками, соломкой, колечками! Помидор не мнет, лук шинкует без слез!

Торговец ловко пошел по проходу, на ходу демонстрируя яркие пластиковые штуковины. Дачницы на мгновение затихли, провожая его оценивающими взглядами, но покупать не спешили — товар был знакомый. Следом за овощерезками через пару минут явился парень с вязанкой ячеистых чудо-губок для мытья машин, а за ним хмурая женщина, монотонно предлагавшая свежие кроссворды и леденцы от кашля. Для Леры это было целое представление. В трамвае такие корабейники почти не встречались — пространства маловато, да и расстояния между остановками слишком короткие, не развернешься.

Когда торговая суета улеглась, в тамбуре снова грохнула дверь, но на этот раз вагон наполнился совсем другими звуками. Раздался уверенный, сочный перебор гитарных струн. В проход вошел молодой парень в расстегнутой джинсовке. Он улыбнулся пассажирам, поправил ремень гитары и без лишних предисловий запел старую, до боли знакомую песню про изгиб гитары желтой. Голос у него был приятный, с легкой хрипотцой, а акустика старого деревянного вагона удивительным образом делала звук глубоким и объемным. Напряжение, державшее Леру всю рабочую неделю, окончательно растаяло. Она прислонилась головой к деревянной обшивке стены, закрыла глаза и начала тихонько покачивать ногой в такт песне. Этот тяжёлый железнодорожный ритм больше не призывал к бдительности, а, наоборот, убаюкивал. Лера наконец-то окончательно расслабилась, чувствуя, как уходит накопленная за неделю усталость. Колеса электрички глухо отстукивали свой ритм на стыках, гитара пела об умиротворении, а впереди Леру ждали родные перелески, залитые ярким майским солнцем, тишина и целых два дня абсолютной свободы от расписаний и маршрутов.

Спустя полтора часа состав начал заметно сбавлять ход, заваливаясь на правый бок на затяжном повороте. Еще на прошлой остановке диктор объявил Ветрово следующей, и теперь поезд, наконец, прибывал к цели. Лера восторженно прыгнула к окну, когда электричка, продолжая тормозить, взбежала на высокую насыпь перед самой станцией. Отсюда посёлок раскинулся уютной, пёстрой мозаикой, бережно вписанной в бескрайний изумрудный океан майских перелесков. С высоты проглядывались ровные стрелы центральных улиц, расчерченные тёмными прямоугольниками вспаханных огородов и усыпанные кипенно-белыми облаками цветущих вишен и яблонь. Старое круглое озеро на окраине ярко бликовало на солнце, словно брошенное в траву зеркальце.

На самом краю хлипких деревянных мостков замерла крошечная фигурка — местный мальчишка в огромной отцовской кепке терпеливо караулил ленивых майских карасей, даже не оборачиваясь на привычный шум проезжающей электрички. Двухэтажная сельская школа и приземистый клуб с белыми колоннами выглядели аккуратными игрушечными макетами. Поодаль от жилых домов, прямо у переезда, высилась старая металлическая водонапорная башня — покрытая ржавыми подтёками, но по-прежнему монументальная, она стояла на отшибе, словно молчаливый часовой. Эту пасторальную тишину разрезала лишь оживлённая железнодорожная магистраль. Ветрово и было тем самым глухим, затерянным в лесах полустанком — маленьким островком жизни у бесконечных путей. На этой сонной станции, где останавливались лишь редкие пригородные электрички, высился приземистый кирпичный вокзал и старый, остеклённый по периметру пост дежурного. Оттуда, среди тишины и запаха хвои, круглосуточно управляли стрелками, провожая взглядом редкие транзитные составы, с грохотом пролетавшие мимо без остановки. Магистраль огибала посёлок по широкой дуге, уходя двухпролётным мостом через реку в синеющий горизонт ровными, блестящими на солнце струнами.

Электричка со знакомым Лере металлическим скрежетом колодок и непривычным тяжёлым шипением пневматических тормозов окончательно остановилась у выложенной серыми плитами платформы. В динамиках раздалось: «Станция Ветрово. Следующая остановка сто тридцать четвёртый километр». В открытое окно вместе с легким запахом креозота хлынул густой, согретый весенней землей воздух, наполненный оглушительным щебетом птиц и ароматом полевых трав.

Дома. Она была дома.

Глава 5. Вкус домашнего тепла.

Лера легко прыгнула с высокой подножки электрички на шершавые серые плиты платформы. Многотонный состав позади неё облегчённо вздохнул пневматикой, закрыл двери и, тяжело набирая ход, покатился дальше, оглашая окрестности размеренным гулом.

Проводив взглядом уходящие вагоны, Лера глубоко, до головокружения, вдохнула чистую, густую прохладу. В ней не осталось ни грамма городской гари, выхлопных газов или машинного масла. От согретой майским солнцем земли веяло молодой листвой и горьковатой травой, сквозь которые пробивался плотный, едкий дух креозота от деревянных шпал. Эта специфическая смесь, знакомая с самого детства, здесь не казалась чужой — она была неотъемлемой частью её рельсового мира, связывавшим воедино шумное городское депо и тихий деревенский дом.

В самом конце платформы её уже ждал отец. Лера только успела поправить рюкзак на плече, как встретила с ним взглядом. Они созванивались ещё вчера, так что точное время прибытия электрички дома знали заранее — отцу не пришлось дежурить на станции с раннего утра, он подошёл аккуратно к поезду. Лицо его озарилось улыбкой, он быстро зашагал навстречу и крепко, до хруста, прижал Леру к себе. — Ну привет, дочка! Приехала-таки, — прогудел он, легко забирая из её рук рюкзак. — Пойдём скорее, мать как раз пироги из духовки вынимает.

Они вместе пошли по узкой тропинке, уводящей вглубь посёлка. Лера приезжала пару раз в месяц, но в этот раз у самого поворота к центральной улице её встретила неожиданная пустота. Огромный, серебристый тополь, который рос у дороги сколько она себя помнила и служил главным ориентиром для всех, кто шёл со станции, лежал распиленный на аккуратные тяжёлые чурбаки. Без него дорога казалась непривычно голой и слишком открытой солнцу. — Спилили всё-таки? — тихо спросила Лера. — Да, в грозу ветка сухая на провода упала, чуть полпосёлка без света не оставила, — вздохнул отец. — Жалко, конечно, полвека стоял. Ну ничего, дрова знатные будут.

Это мимолётное отсутствие городской спешки всякий раз казалось ей невероятной роскошью. Вокруг, не умолкая, заливались птицы, а над головой шумели вековые берёзы, усыпанные нежно-зелёной, ещё клейкой листвой. Отец бережно придерживал Леру под локоть, и они неторопливо обсуждали последние новости, накопившиеся за те пару недель, что они не виделись: как дела дома, как поживает её бордовый «Борька» и быт в малюсенькой комнате.

Дорога к родительскому дому вела через центральную улицу посёлка. Всё здесь было до боли знакомым, родным и каким-то уютно-неизменным. За невысокими заборами буйно цвели вишни и яблони, осыпая палисадники белыми лепестками, похожими на поздний весенний снег. Изредка им попадались навстречу местные жители. — О, Лерка приехала! На выходные? — приветливо окликнула тётя Маша со двора напротив, выпрямляясь над грядкой с клубникой. — На выходные, тётя Маш! Отдыхать! — с улыбкой отозвалась Лера. — Ну беги, беги, мать вас заждалась уже, все окна проглядела!

Они прибавили шаг. Вот и родной дом — аккуратный пятистенок с резными деревянными наличниками, выкрашенными в небесно-голубой цвет. Калитка приветливо скрипнула, открывая вид на просторный, ухоженный двор. Под навесом у сарая стояла старенькая, чисто вымытая отцовская «шестёрка» — на её начищенном капоте ярко играли солнечные зайчики. Чуть поодаль, лениво перебирая лапами в огороженном сеткой загоне, расхаживали пёстрые куры, изредка оглашая двор негромким, мирным квохтаньем. Лера и отец пошли по чистой дощатой дорожке к крыльцу. Нагретые солнцем половицы слегка поскрипывали под ногами, а лёгкий ветерок доносил со двора чистый, горьковатый дух бани, которую отец уже растапливал к её приезду, — в воздухе приятно пахло берёзовым дымом. Леру мгновенно окутало забытое ощущение безмятежности, которая бывает только здесь.

Не успели они коснуться дверной ручки, как деревянная дверь распахнулась, и на порог вышла мама — в домашнем фартуке, с растрёпанными от кухонных хлопот волосами и сияющими глазами.— Доченька! Приехала наконец-то! — воскликнула она, широко раскрывая объятия. — Ну какая же ты бледная, исхудала совсем в своём городе. Ну-ка, дай я на тебя посмотрю!

Мама крепко обняла дочь, и от неё пахло так, как может пахнуть только дома: согретым на солнце ситцем, свежестью и тонкими нотками целебных садовых трав, которые она всегда сушила на веранде. Вся округа знала эти теплые, заботливые руки уже много лет — мама работала фельдшером в местной амбулатории, ставя на ноги половину посёлка и наизусть помня рецепты от любых недугов. Лера уткнулась носом в тёплое мамино плечо, чувствуя, как последние капли городского напряжения и усталости окончательно растворяются без остатка.

Внутри дома царил благодатная прохлада, пахнувшая сосновой смолой, сушёными травами и старыми книгами. В уютной полутьме прихожей тихо тикали настенные часы с маятником. На начищенных до блеска половицах лежали плетёные круглые половики — из разноцветных лоскутов, точь-в-точь такие же, какой Лера купила в свою «девятку», чтобы спастись от казённого серого линолеума.

Она прошла в большую, залитую мягким светом кухню, где на окнах колыхались белоснежные тюлевые занавески с вышитыми васильками. Прежде чем прикоснуться к чистой льняной скатерти, Лера привычно подошла к рукомойнику в углу. Смывая прохладной водой дорожную пыль, она почувствовала, как вместе с мыльной пеной окончательно уходят последние остатки долгой дороги.

На плите, тихонько подрагивая крышкой, шумел и исходил паром пузатый металлический чайник — не то что её домашний, пластиковый, готовый улететь со стола при каждом закипании. От этого мерного свиста на уютной маминой кухне становилось совсем тепло. Но главным украшением массивного деревянного стола был огромный, накрытый чистым вафельным полотенцем противень, из-под которого пробивался умопомрачительный запах свежей выпечки. Мама лёгким, привычным движением откинула плотную ткань, выпускала наружу густое облако сладкого пара, и Лера зажмурилась от удовольствия. На противне ровными, румяными рядами, бок о бок, лежали её любимые пирожки. Одни — пухлые, посыпанные крупной солью, сочной капустой и крутым яйцом. Другие — сдобные, глянцевые от яичного желтка, с лесной земляникой, которую отец набрал в малинниках еще прошлым летом и которую мама бережно хранила в морозилке. Кое-где сквозь тонкое, пышное тесто проступили темно-рубиновые, карамельные капли закипевшего сладкого сока.

Лера опустила на широкий деревянный стул у окна и огляделась. Здесь не нужно было выкраивать каждый случайный сантиметр пространства, прятать тазы под тумбочку или мастерить откидные столики, как в её тесном общежитии. Здесь было просторно, спокойно и дышалось удивительно легко. Она потянулась было к противню, но мама шуточно стукнула её по рукам, строго сдвинув брови: — А ну постой, сначала горячее! — строго сдвинула брови мама, выхватывая противень и решительно ставя перед дочкой тарелку с дымящимся супом. Лера рассмеялась, но всё же исхитрилась стянуть один пышный пирожок, откусила кусочек и замерла от блаженства. Сладкий земляничный сок брызнул на пальцы, а нежное тесто буквально таяло во рту. Мама налила в большие кружки крепкий, янтарный чай, от которого сразу пошёл густой пар с мятным ароматом — совсем как тогда, в бане после тяжёлой дождевой смены, но только в сто раз лучше и теплее.— Ну, рассказывай, дочка, как неделя прошла? — мама присела напротив, подперев щеку рукой и с улыбкой разглядывая Леру. — Всё так же в депо твоём жизнь кипит? Наверное, и поесть на работе толком некогда, всё на бегу?— Да ну что ты, мам, я же всегда обед с собой в контейнере беру, на конечной в перерыве спокойно ем, честно, — рассмеялась Лера, делая долгий глоток ароматного чая. — Зато, знаешь, как здорово, когда рано утром первый вагон из ворот депо выводишь? Город ещё пустой, сонный,

туман над рекой стелется... Я сегодня перед электричкой выпалась отлично, так что ехала, в окно на перелески смотрела и думала: господи, до чего же хорошо иногда просто быть пассажиром, смотреть на дорогу и ни за чем не следить. — Это точно, — ласково улыбнулась мама, подвигая к дочке глубокое блюдо с пышущим жаром картофелем и нежным домашним мясом. — Пассажиром куда спокойнее. Мне ли, как фельдшеру, этого не знать. Вчера в амбулаторию под конец смены Тимофеева привезли, с фермы, спину на ремонте сорвал. Я ему уколы ставлю, мазью растираю, а он всё рвётся обратно к своим железкам. Тетя Маша вон тоже сегодня с утра прибежала — давление после огорода подскочило, еле усадила её. Наша амбулатория как вокзал: то один с ушибом, то другой за каплями. Сама к вечеру с ног валюсь от этих историй. Так что отдыхай давай эти два дня, дочка, ешь вот лучше домашнее, горячее.

Отец, примостившись на углу стола, внимательно слушал Лерин рассказ. При упоминании своего коллеги с фермы он понимающе ухмыльнулся в усы и переглянулся с женой. Он одобрительно кивал, разглядывая Лерины ладони, и в его глазах читалась молчаливая отцовская гордость. Отец всю жизнь работал трактористом на местной ферме, а в длинные зимние вечера, когда полевых дел практически не оставалось, запирался в своей небольшой мастерской на краю двора и самозабвенно плотничал, собирая на заказ крепкую мебель и резные рамы. Кому, как не ему, было знать цену тяжелому физическому труду и капризам техники. — Не устаешь за рулем-то целый день сидеть? — негромко спросил отец. — Маршрут, небось, длинный, отвлекаться нельзя ни на секунду. — Устаю, конечно, пап, особенно к вечеру, — ответила Лера. — Но работа интересная, живая. Город перед глазами постоянно меняется, люди разные, пассажиров много. Да и вагон у меня хороший, на ходу мягкий, тихий. В депо за ним следят строго, так что на линии никаких сюрпризов. — Вот и ладно, — одобрительно улыбнулся он. — Лишь бы техника не подводила. Главное — внимание, в городе зевать нельзя.

С этими словами он поднялся из-за стола и ласково погладил дочь по плечу. — Ладно, девчата, — неторопливо произнёс он. — Я пошёл подкину дров в баньку и управляться, а вы тут пока секретничайте. — Давай, папуль, — тепло отозвалась Лера, провожая его взглядом.

За кухонным окном медленно удлинялись предвечерние тени, ложась на чисто вымытый дощатый пол. На кухне стало непривычно тихо, только ложка Леры мягко постукивала по дну фарфоровой тарелки. Мама пододвинула поближе вазочку с пирожками и тепло улыбнулась, любясь тем, с каким аппетитом дочка ест домашнее. Солнечный луч из окна медленно полз по льняной скатерти, подсвечивая пылинки в воздухе. Впереди были целых два дня дома, когда никуда не нужно спешить и некому сдавать смену. Лера неторопливо прихлебывала из большой кружки горячий мятный чай, чувствуя, как городская суэта окончательно отпускает её, уступая место полному, глубокому покою в этом тихом домашнем тепле.

Входная дверь мягко хлопнула, впустив в дом прохладный вечерний воздух и тонкий запах березового дыма. В проеме показался отец, вытирая руки рушником. — Ладно вам сидеть, — добродушно прищурился он в усы. — Баня готова, веники распарились. Идите греться.

Ближе к восьми часам вечера, когда поселок окончательно окутал густой сиреневый сумрак, Лера с мамой зашли в предбанник. Там, среди мягкого, обволакивающего жара, пахнущего раскаленным липовым деревом, молодой хвоей и распаренным березовым листом, дневной покой сменился странным, щемящим чувством. Они сидели на верхней полке плечом к плечу, завернувшись в чистые простыни, и в этой звенящей тишине слышно было только, как в печи уютно потрескивают прогорающие березовые поленья. Мама ласково, как в глубоком детстве, зачерпнула деревянным ковшом теплой воды и мягко ополоснула Лере плечи. У Леры перехватило дыхание от этого простого, давно забытого жеста.

Мама отставила ковш, но руку не убрала. Её ладонь осторожно опустилась на Лерино мокрое плечо. Мама скользнула взглядом по её спине — Лера сидела чуть ссутулившись, тонкая, с незащитно торчащими лопатками, совсем как в детстве, когда её, чумазую после целого

дня на улице с подружками, приводили сюда отмывать. Она вдруг шумно, прерывисто вздохнула и крепко, до боли, прижала Леру к себе, уткнувшись подбородком в её мокрое плечо. Не разжимая объятий, мама замерла на скамье и заговорила тихо, без привычной строгой интонации:— Господи, Лерка... Как же хорошо, что ты приехала. Я ведь так рада, что мы с тобой снова... просто мать и дочь. Несмотря на всё то, что между нами тогда было. Наломали мы дров, конечно.

От этих слов Леру буквально накрыло. В груди мгновенно вырос горячий, удушливый ком, а к глазам подступили слезы. Мама не упрекала, наоборот — она протягивала руку для примирения, но именно это долгожданное признание пробило брешь в Лериной броне. Всё то, что она так упорно прятала за железной дисциплиной, сухими строчками путевых листов и гордой невозмутимостью в кабине трамвая, в одну секунду поднялось со дна души.

Она лишь молча кивнула, уткнувшись лицом в мокрое махровое полотенце, чтобы скрыть дрожащие губы.

Позже, уже в доме, они сидели за кухонным столом в уютной, теплой полутьме. Отец ушел спать, а мама налила в тяжелые рюмки брусничной настойки — тягучей, рубиновой, пахнущей осенней прохладой. Они выпили молча, глядя, как на льняной скатерти замерли блики от ночника. Каждой клеточкой согретого тела Лера чувствовала абсолютную безопасность родительского дома, но внутренний шторм уже было не остановить.

Во время выходных у родителей Лера всегда спала в своей бывшей детской, где у окна всё ещё стоял её старый письменный стол. Вот и сейчас, когда ей постелили на привычном месте, она долго лежала в темноте под тяжелым одеялом. Сон не шёл. Настойка приятно пьянила, тело было легким после бани, но мысли, растревоженные мамиными словами, стремительно утягивали её на дно памяти.

Лера лежала неподвижно, уставившись в знакомые контуры потолка, но темнота вокруг словно начала густеть и давить на грудь. Мерный шаг маятника в её ушах стал сухим, отрывистым, потерял привычный ритм и превратился в дробный, колющий стук мела, который когда-то ломался и крошился в её пальцах. Воздух в комнате показался спёртым, пахнущим меловой пылью, а сердце испуганно зачастило, сбивая дыхание. Прошлое не наваливалось с грохотом — оно проступало сквозь тишину, сковывая руки ледяным, парализующим холодом и возвращая то самое гнетущее чувство беспомощности, которое она несколько лет назад испытывала у доски, когда эти сорок пять минут урока тянулись как бесконечность, от бесконечной, изматывающей необходимости говорить нестерпимо першило в горле, а из лёгких исчезал весь воздух.

Лера зажмурилась, пытаясь спрятаться, уйти под одеяло, но плотину прорвало. Прошлое не спрашивало разрешения — оно просто затопило комнату, швырнув её память назад, в тот самый серый, дождливый вечер после девятого класса, когда на семейном совете её лишили права выбора.

Часть II. Глава 6. Маршрут построен.

В их доме разговоров о выборе профессии никогда не водилось. Была мамина воля — твёрдая, как фельдшерская рука, и не терпящая возражений. Впервые Лера попыталась робко заикнуться о своём будущем в конце девятого класса. Одноклассники собирались уезжать в областной центр: кто-то подавал документы в строительный техникум, кто-то — на технолога. Лере тогда казалось, что уйти после девятого — это легальный, быстрый способ вырваться во взрослую жизнь, получить осязаемую, понятную специальность, где нужно работать руками, а не бесконечно быть на виду. Но дома об этом не то что говорить — даже заикнуться не позволяли.

В один из таких серых вечеров, когда за окном тяжело висит предгрозовое июльское небо, а в раскрытую форточку тянет сухой, горячей пылью и тревожной тишиной перед бурей, Лера наконец решается. Набирает в лёгкие воздуха и, не поднимая глаз от тарелки с остывающим супом, едва слышно произносит:— Я после девятого в техникум уйду. Документы подам...Тишина наваливается мгновенно, прерываясь только глухим, тяжёлым стуком. Мама, только что вернувшаяся со смены в амбулатории, швыряет на кухонный стол медицинскую сумку с тонометром — старая искусственная кожа резко бьёт по клеёнке, заставляя жалобно звякнуть чайные ложки в стаканах. От мамы остро, удушливо пахнет корвалолом, спиртовыми салфетками и застоявшейся госпитальной хлоркой.— В техникум? — её голос режет липкий аи́г кухни наотмашь, словно тупые медицинские ножницы. — Ковыряться в мазуте, как отец? Или кирпичи на стройке таскать? Нет у нас в роду таких и не будет, запомни это!

Мама не кричит, но её тон, привыкший отдавать приказы в процедурном кабинете, не оставляет места для вдоха. Она нависает над столом, шумно дыша, и Лере кажется, что её прямо сейчас зажимают в тиски.— Только одиннадцать классов, — чеканит мама, и её палец с коротко остриженным, вьёвшимся йодом ногтем жестко стучит по столу. — И только педагогический университет. Учитель — это человек, Лерка. Это чистые руки, белая отглаженная блузка, интеллигентная профессия и уважение во всём районе. Будешь в тепле сидеть, книжки читать, а не коровам хвосты крутить на ферме. Нам с отцом эта земля уже все жилы вытянула, последние копейки на твоих репетиторов откладываем. А ты в мазут лезешь?

Мама резко выдыхает, и её плечи на секунду опускаются под тяжестью этой вечной, застарелой усталости.— В моём роду бабы ломовыми лошадьми сроду не были! А я? Посмотри на меня! Я со смены из амбулатории прихожу и сразу за навоз, за ведра, за огород. Всё хозяйство, весь дом на моих одних плечах держится, пока отец твой в своём гараже за копейки ковыряется! Принесёт копейки эти и рад, а то, что нам за свет платить нечем и тебе на учёбу копить надо, об этом он думает? Нет, молчит сидит! Я одна эту ляжку тащу, досыта не ела, светлых дней не видела! Я для того тебя растила, чтоб ты тоже всю жизнь грязь месила да копейки эти несчастные считала? — Вон, на Сычевых посмотри! — мама снова заводится, её голос крепнет, переходя на свистящий шёпот. — Тоже все умные были, после девятого класса повыскакивали, ни у кого ни диплома, ни ума. И где они теперь? Старший их на пилораме за копейки пальцы под нож подставляет, Верка полы в сельсовете моет, а девки их вечно голодные в обносках по канавам сидят. Ты такую долю себе хочешь? Жизнь свою в навоз спустить? Отец твой вон тоже всю жизнь в гайках ковырялся, докрутился — спину к вечеру разогнуть не может. Ты как он кончить хочешь?

Отец сидит тут же, в углу кухни, молча чистит картошку и только глубже втягивает голову в плечи. Он никогда не спорил с женой. Технический, молчаливый отцовский склад ума в этом доме считается чем-то вроде семейного изъяна, который на Лере обязательно нужно было «исправить».

Два года старших классов превращаются в непрерывную, серую пытку, где каждый день похож на медленное вытягивание жил. Свободного времени больше нет — его до последней минуты выметает из Лериной жизни мамин жёсткий, удушающий контроль. Родители отдают репетиторам те самые горькие, тяжело заработанные копейки, и этот финансовый долг ложится на Лерины плечи неподъёмной, сокрушительной плитой. Она физически ощущает цену каждого родительского рубля, и этот груз не даёт ей спать по ночам, оборачиваясь глухой, давящей тревогой в груди.

Каждый вечер превращается в безжалостное домашнее судилище. Мама садится за стол рядом с ней — грузная, уставшая после бесконечной смены в амбулатории. От неё пахнет жёстким дезинфицирующим мылом, тальком от резиновых перчаток и едкой типографской краской от бесконечных медицинских бланков. Она до боли всматривается в Лерины черновики, караулит каждую пометку, каждую неровную строчку. От этого всевидящего надзора невозможно укрыться: мама в любой момент может зайти без стука, бесцеремонно полистать тетради или встать за спиной, тяжело дыша прямо над ухом.

В один из таких учебных вечеров, затянувшихся далеко за полночь, мама резко ткнула ногтем в глубь тетради, едва не прорывая бумагу.— Это что за мазня? Лерка, я тебя спрашиваю, это что такое? — её голос вибрирует от глухого раздражения. — Почему опять грязь в тетради? Помарка на пометке, всё перечёркнуто! Ты будущий учитель или кто? У тебя в мыслях такая же помойка, как здесь? Живо вырывай лист и переписывай всё заново, с первой строчки. Мне плевать, что одиннадцать вечера. Пока идеально не сделаешь, спать не ляжешь!

Любой вздох, любая секундная заминка вызывают глухой материнский гнев:— Мы из-за тебя во всём ужимаемся, лучшие куски тебе отдаём, а ты ленишься! Горб свой ради твоего будущего гну! — эти слова бьют наотмашь, лишая воздуха.

Внутри у Леры что-то с треском лопается. Пальцы, сжимающие ручку, леденеют, а к глазам мгновенно подступают горячие, злые слезы. Она впервые в жизни не опускает голову, а смотрит маме прямо в глаза — затравленно, но упрямо. Голос срывается, хрипит от подступающего к горлу спазма, но она выталкивает слова из себя на одном дыхании:— А я не хочу себе такого будущего! Слышишь? Не хочу! Ты этот горб ради своего будущего гнёшь, мама! Ради своего! Чтобы перед поселком хвастаться, какая у тебя дочка умная да интеллигентная! А обо мне ты хоть раз подумала?

Звонкая, оглушительная пощечина наотмашь обрывает её на полуслове. Жесткая фельдшерская ладонь обжигает Лерину щеку так сильно, что в ушах начинает тонко, непрерывно звенеть.

Тишина в комнате становится мертвой, оледеневшей. Мама застывает, тяжело и прерывисто дыша, но в её глазах нет раскаяния — там горит бешеная, слепая уверенность. Она упирается ладонями в стол, нависая над Лерой всей своей грузной фигурой прямо перед Лериным лицом, и её голос падает до глухого, вибрирующего шёпота:— В этой семье решать буду я, — отрезает мама, и в её глазах вспыхивает холодная, безжалостная властность. — Я тебя кормила, я тебя поила, я ночами у твоей постели сидела не для того, чтобы ты мне тут зубы скалила! Будет так, как я сказала. Поняла меня? Костьми ляжешь, а в университет поступишь и диплом мне принесешь. Своим умом жить будешь, когда его принесешь. А пока ты здесь рот закроешь и будешь делать то, что велят!

А на кухне, в этот момент, замирает отец. Он сидит один в полумраке, обхватив обеими руками старую, шершавую кружку с остывшим чаем, и отчетливо слышит каждое долетевшее из детской слово, каждый крик и этот хлесткий, страшный звук удара. После пощечины его большие, потемневшие от мазута пальцы начинают мелко, едва заметно дрожать, выстукивая по фаянсу тихий, жалобный ритм. Отец еще глубже втягивает голову в плечи и опускает взгляд в тёмную глубину кружки. Там, на колеблющейся глади остывшего чая, он видит своё собственное отражение — постаревшее, беспомощное лицо человека, который слышит, как ломают его

ребенка, но не может её защитить. Отец делает маленький, бесшумный глоток, словно пытается раствориться в этой темноте и спрятаться от собственного позора. Ему нечего сказать. Ей никто в этом доме не может возразить.

Лера не плачет. Она медленно опускает голову, берет ручку и утыкается в залитую слезами тетрадь. На ладони, сжимающей обложку, белеют костяшки пальцев. Щека горит, а в горле намертво застревает сухой, раздражающий ком, от которого невозможно вздохнуть. Именно в эту секунду, среди выжженной родительскими криками пустыни, внутри неё рождается холодная, каменная определенность.

К январю десятого класса Лера окончательно перестала понимать, кто отражается в зеркале над школьным рукомойником. Девочка в туго накрахмаленной, навязанной матерью блузке послушно открывала рот на уроках литературы, цитировала критиков и выводила идеальным почерком чужие, мертвые мысли. Настоящая Лера в этот момент словно сидела глубоко внутри, запертая в глухой железной коробке, и бессильно смотрела на мир через узкую смотровую щель.

По вечерам, когда за окном стояли лютые январские морозы, а глухая деревенская темнота наваливалась на окна уже к четверем часам дня, на кухне закипал пузатый мамин чайник. Но его свист не приносил уюта. Эти бесконечные, темные зимние вечера тянулись как одна изматывающая вечность. Лера часами сидела над учебниками под тусклым светом настольной лампы, чувствуя себя марионеткой, которой чужие, сильные пальцы насильно перебивают жилы. Каждый выученный параграф, каждая идеальная строчка были кирпичами в стене, которой мать отгораживала её от её собственного будущего. Из прихожей было слышно, как мама гордо говорит по телефону кому-то из коллег: «Моя-то? Только на филологический. Учитель — это звучит гордо, не то что мы, в грязи». Лера смотрела на свои пальцы, испачканные синими чернилами, и ей казалось, что эта синева — въевшийся маркер её несвободы. Она жила по чужому, чудовищно правильному черновику, в котором для неё самой не оставили ни единой свободной строчки.

Остаток десятого и весь одиннадцатый класс Лера учится через силу, через постоянное, изматывающее отторжение всего тела. От бесконечных правил синтаксиса, бессмысленных многоэтажных схем предложений и мёртвых, чужих литературоведческих текстов у неё часами раскалывается голова, а зубы сжимаются так сильно, что сводит челюсть. Фиолетовые чернила въедаются в средний палец, натирают глубокую, болезненную мозоль, а буквы на белых листах к полуночи сливаются в слепое, плывущее пятно. Ей неинтересно. Ей физически тошно.

После того вечера Лера больше не пытается спорить или что-то доказывать. Она сознательно уходит в абсолютное, каменное молчание, выстроив между собой и матерью глухую стену. Это время она проводит в полном, звенящем одиночестве. Пока сверстники шумными компаниями бегают на поселковые дискотеки, гуляют до рассвета у реки, делятся первыми секретами и влюбляются, Лера сидит взаперти. У неё нет подруг, нет общих тайн, нет никого, кому можно было бы просто поплакаться в плечо. Весь этот яркий, живой вкус подросткового возраста, когда можно делать глупости и чувствовать себя живым, проходит мимо неё, отгороженный стеклом родительского запрета. Для неё существуют только учебники и глухая, давящая тишина.

Она приучает себя намертво зажимать зубами губы, каждый раз каменея от удушливой беспомощности. Но именно тогда, после пощёчины и криков, в её гортани впервые поселяется этот сухой, раздражающий ком, который мешаает нормально вздохнуть. Стоит маме просто зайти в комнату или повысить голос, как связки у Леры судорожно каменеют, а в груди разливается ледяной, парализующий холод.

Она привыкает молчать часами, неделями, прячась в глухую внутреннюю эмиграцию, пока её личность методично перемалывают жернова родительских амбиций. Своё истинное

«я» она хоронит где-то глубоко внутри, послушно выговаривая на уроках мёртвые, бессмысленные книжные фразы. Маршрут её жизни предрешён, границы дозволенного очерчены железной маминой рукой, и Лере остаётся только покорно двигаться вперед по этой чужой, намертво выжженной колее.

Выдрессированная маминым надзором, Лера сдаёт выпускные экзамены на запредельные сто баллов — у неё просто не существует права на ошибку. Учителя пророчат ей блестящее будущее, но сами по себе эти сухие цифры на экране компьютера не приносят Лере ни капли радости; они лишь означают, что железная ловушка вот-вот захлопнется.

Выпускной бал в конце июня становится лишь финальным аккордом этой фальшивой пьесы. В душном актовом зале, пропахшем дешёвым лаком для волос и тяжёлым парфюмом, Лера чувствует себя манекеном, выставленным на витрину. Мать лично выбирает для неё платье — из плотного, негнущегося атласа, который нещадно колет кожу и стягивает рёбра, мешая сделать полноценный вдох. Пока одноклассники тайком от учителей отхлебывают из бутылок и шумно смеются, строят сумасшедшие планы и клянутся в вечной дружбе, Лера сидит за столом неподвижно. Рядом сидит мама. Она то и дело собственническим жестом поправляет на дочери жёсткие складки ткани и громко, на весь зал, делится с другими родителями: «Наша-то со своими баллами только на филологический проходит, на бюджет. Интеллигенция!» Лере кажется, что её заживо хоронят под этот победный, торжествующий щебет. На рассвете, когда весь класс с криками бежит к реке встречать солнце, Лера остаётся стоять на школьном крыльце в полном одиночестве. Она смотрит на розовеющее июньское небо и отчётливо понимает: люди вокруг празднуют начало своей взрослой жизни, а она провожает взглядом труп своей собственной.

В августе этот приговор лишь обретает окончательную бумажную силу. Сама Лера даже не смотрит списки в интернете. Сухие строчки официального приказа о зачислении безжалостно подтверждают то, что было решено дома ещё два года назад: государственное бюджетное место, очная форма, филологический факультет. Чужие стрелки наглухо заблокированы, и эта же непреклонная рука толкает контроллер вперёд, заставив колёса её судьбы тяжело загрохотать по направлению к большому городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.